

Гришин Я.Я.,
доктор исторических наук, профессор
Grishin Y.Y.
Doctor of Historical Sciences, Professor

Галиуллин М.З.,
кандидат исторических наук, доцент
Galiullin M.Z.
Candidate of Historical Sciences, Associate Professor

**Советско-турецкие отношения накануне Великой Отечественной войны
(январь-22 июня 1941 г.). Часть I**
**Soviet-Turkish relations on the eve of the great Patriotic war (January-June
22, 1941). Part I**

Аннотация. Как известно, после смерти М.К. Ататюрка, турецкое правительство в конце 30-е годы XX в. уже не нуждалась в добрых отношениях с Советским Союзом. Она стала проводить прозападный курс, ориентированный в первую очередь на Англию и Францию. Его активным сторонником был министр иностранных дел Ш. Сараджоглу сменивший на этом посту Тевфика Араса.

Лондон и Париж стремились направить германскую агрессию в сторону Советского Союза. Советское правительство было заинтересовано в ослаблении союза с западными государствами, дабы обезопасить свои южные границы. Дипломатические контакты продолжались и с Турцией и Ираном, правительствам, которые симпатизировали главе рейха А. Гитлеру. Турецкие правящие круги проявляли большой интерес к политике западных стран, и даже понимание. Они упорно не шли на сближение со своим северным соседом, находя различные причины для этого. В конечном итоге Турция подписывает договор с фашистской Германией, причем незадолго до ее нападения на СССР. Об этом свидетельствуют документы, которые проанализировали авторы.

Ключевые слова: История, международные отношения, Турция, СССР, В.М. Молотов, А. Актай, Ш. Сараджоглу, С.А. Виноградов, переговоры.

Summary. As you know, after the death of M. K. Ataturk, the Turkish government at the end of the 30s of the XX century no longer needed good relations with the Soviet Union. She began to pursue a Pro-Western course, focused primarily on England and France. His strong supporter, was foreign Minister S. Saracoglu who succeeded Tevfik Aras.

London and Paris sought to channel German aggression towards the Soviet Union. The Soviet government was interested in weakening the Alliance with the Western States in order to secure its southern borders. Diplomatic contacts continued with Turkey and Iran, the governments, which sympathized with the head of the Reich A. Hitler. Turkish ruling circles showed great interest in the policies of Western countries, and even understanding. They did not want to go on a rapprochement with its Northern neighbor, finding a variety of reasons for this. In the end, Turkey signs a Treaty with Nazi Germany, and shortly before its attack on the USSR. This is evidenced by the documents analyzed by the authors.

Keywords: History, international relations, Turkey, USSR, V. M. Molotov, A., Aktay, S. Saracoglu, S. A. Vinogradov, talks

В январе 1941 г. появляются тревожные разговоры, слухи о возможной оккупации Германией Балкан, что естественно затрагивало и Турцию. Тем более рейх уже ввел свои дивизии в Румынию.

Эта тревога чувствуется в опубликованных документах внешней политики СССР. Так 13 января 1941 г. полпред в Германии В.Г. Деканозов во время встречи с временным поверенным в делах Турецкой Республики в Германии Ф. Алкендом услышал из уст последнего следующее: «по его мнению, Советский Союз все-таки не может оставаться пассивным в случае занятия Германией Балкан, так как за занятием Балкан последует занятие Турции. А за Турцией может последовать и Россия. Германия, заняв Турцию в первую

очередь захватит Мосульские нефтяные источники, а затем будет стремиться захватить Баку. Алкенд подчеркнул, что даже в прошлой войне, когда Германия и Турция были союзницами, после занятия Турцией Баку произошло столкновение между турецкими и германскими войсками, даже тогда Германия не желала уступить Турции нефтяные источники. Германия хочет захватить все месторождения нефти, поэтому Советский Союз не может быть безразличным к этим ее действиям»[1].

В.Г. Деканозов на это ответил, «что если уже говорить об опасности в отношении Баку, то тут следовало бы говорить в первую очередь о прецедентах, которые имели место не так давно, когда чьи-то самолеты, не германские, совершали разведывательные полеты как над Баку, так и над Батуми, о чем также упоминалось в опубликованной немцами «Белой книге».

Ф. Алкенд дал понять, что знает, о чем идет речь, стал уверять советского посла «что это было недоразумение, турки не могли бы пропустить английские самолеты летать над Батуми, Турция знает цену дружбы с Советским Союзом, поэтому ее стремление – сохранить хорошие и дружественные отношения с Советским Союзом».

В.Г. Деканозов не стал развивать этот вопрос. Ф. Алкенд же, продолжая разговор, отметил, что в последней речи турецкого премьера было сказано, что Турция не позволит никакой стране пользоваться своими базами. Ее текст он обещал прислать советскому послу.

«Прощаясь, Алкенд еще раз заметил, что если Турции будет угрожать опасность, он надеется, что Советский Союз не будет безразличен»[1].

В это время СССР продолжал стремиться к сохранению и развитию дружеских отношений с Турцией. Об этом лишний раз говорит высказывание советского посла в Великобритании И.М. Майского во время встречи с министром иностранных дел А. Иденом.

На вопрос последнего, может ли Турция в случае какой-либо опасности быть уверенной, что ей не грозят никакие неприятные сюрпризы со стороны СССР, он ответил, «что вопрос Идена мне кажется несколько странным. Ему

должно быть известно, что наши отношения с Турцией носят дружественный характер, и мы не собираемся менять этого характера. Иден выслушал мой ответ с видимым облегчением и затем сказал: «Если бы Турция подверглась нападению, моим желанием было бы, чтобы СССР в отношении Турции практиковал ту же политику «невмешательства», какую он практиковал в отношении Испании. Может быть, я желаю слишком многого, но во всяком случае это то, чего я желал бы». Я ответил, что сейчас трудно сказать, какую позицию заняло бы советское правительство в том гипотетическом случае, о котором говорит Иден. Это зависело бы от многих таких обстоятельств, которые сейчас заранее трудно учесть»[2].

Тем временем Турция подписывает с Болгарией декларацию. А. Актай проявляет интерес о точке зрения советской стороны на этот документ во время встречи с первым заместителем наркома иностранных дел СССР А.Я. Вышинским 21 февраля 1941 г.

Последний сказал, что ему представляется трудным дать оценку, зная об этой декларации только по тексту, опубликованному в печати. И он хотел бы предварительно ознакомиться с мнением посла по поводу декларации.

А. Актай пояснил «Прежде Турция и Болгария намеревались заключить соглашение, основанное на переговорах между генеральным секретарем министерства иностранных дел Турции Менеменджиоглу и министром иностранных дел Болгарии Киосейвановым. Но ввиду особого положения Болгарии на Балканах и ее договоренности с Германией, болгарское правительство обратилось к Турции с просьбой учесть эти обстоятельства при заключении соглашения. Болгарское правительство опасалось, что Германия примет соглашение, заключенное на основании переговоров между Менеменджиоглу и Киосейвановым как неприязненный акт по отношению к Германии. Турция согласилась с болгарскими предложениями, и таким образом была подписана декларация, в преамбуле которой значилось, что декларация не затрагивает обязательств обеих сторон в отношении третьих стран»[3, С. 413].

А.Я. Вышинский поинтересовался, как отнеслась Англия к подписанной декларации. Посол ответил, что она была о ней осведомлена и дала свое согласие. Далее он заявил, что «единственной целью обеих держав при подписании декларации, было поддержание спокойствия на Балканах. Турецкое правительство надеется, что все будет хорошо. Посол спросил зам. наркома, как расценивает советское правительство турецко-болгарскую декларацию. Ответ был следующим, «что в международных делах нужно судить о декларациях по последствиям. Поживем – увидим. Что касается СССР, то политика Советского Союза хорошо известна послу. Наша политика остается неизменной. Советский Союз всегда сумеет защитить свои интересы» [3, С. 413].

В заключение беседы посол спросил – следует ли верить слухам относительно посылки советским правительством какой-то делегации во главе с Соболевым в Болгарию.

А.Я. Вышинский ответил, что советское правительство не посылало в Болгарию никаких делегаций. Соболев находился в Москве [3, С. 414].

В конце февраля 1941 г. в Турции с визитом находилась английская делегация во главе с А. Иденом. Советский посол С.А. Виноградов посетил его, который выразил удовлетворение результатами его бесед с турецкими руководителями и надежду, что советское правительство также будет разделять английское удовлетворение позицией Турции. С.А. Виноградов заметил по этому поводу, что трудно говорить «будет или не будет разделять советское правительство ту позицию, которую займет Турция в результате переговоров министра с турецкими руководителями, а что касается отношений нашей страны с Турцией, то они определяются пактом о ненападении, положения которого Советский Союз строго выполняет»[4].

Советская сторона интересовалась итогами визита А. Идена в Турцию. В частности, посол СССР в Лондоне И.М. Майский во время встречи с парламентским заместителем министра иностранных дел Великобритании Р.О. Батлером, спросил последнего об этом, Батлер, пишет советский посол

«постарался быть уклончивым. Тем не менее, путем нескольких наводящих вопросов мне удалось выяснить, что позиция Турции остается в основном той же, что и раньше, а именно: Турция будет защищать свои границы, если она подвергнется нападению, по поведению ее в случае германской атаки на Грецию остается не вполне ясным. Создавалось впечатление, что Идену не удалось добиться в Ангоре прямого обещания Турции выступить на стороне Англии в случае движения Германии против Греции. Я пробовал далее прощупать Батлера относительно результатов англо-греческого совещания в Афинах. Батлер, однако, уклонился от какого-либо ответа под тем предлогом, что от Идена будто бы еще не получено никаких сообщений о результатах названного сообщения»[5].

Когда А. Иден находился в Турции, туда навстречу с ним летал английский посол в Москве С.Криппс. После его возвращения он был принят А.Я. Вышинским. Последний услышал в свой адрес благодарность за хорошую организацию полета в Истанбул, вследствие чего он смог вовремя прибыть туда и благополучно вернуться в Москву. Криппс заметил, что он как будто был пионером, пролагающим воздушную трассу в Истанбул, что до сего времени нет регулярной авиасвязи между Москвой и Турцией и что было бы хорошо организовать регулярную авиасвязь между Турцией и СССР.

А.Я. Вышинский заметил, что в этом деле имеются известные технические трудности [6, С. 452].

Далее он рассказал о своих личных впечатлениях, о посещении Турции, о тех встречах, которые ему удалось иметь как с представителями турецкого правительства, так и с полпредом СССР Виноградовым, о котором у него сложилось очень хорошее мнение.

Криппс также беседовал с Сараджоглу. Из бесед с Сараджоглу он вынес впечатление, что в турецких кругах ведется сильная пропаганда о якобы имеющихся у СССР намерениях напасть на Турцию.

На вопрос Вышинского, кем ведется такая пропаганда, Криппс ответил, что турецкий посол в Берлине был информирован ответственным лицом из

германского министерства иностранных дел о том, что если возникнет война между Турцией и Германией, то Турции придется иметь дело не только с германской, но и с русской армией, в частности на Кавказе. Что касается лично Криппса, то он, Криппс, считает подобного рода слухи ерундой. Именно так он, Криппс, заявил и Сараджоглу, но все же в турецких кругах эта «пропаганда» кое-кого заставляет настораживаться.

В беседе со мной, сказал далее Криппс, Виноградов спросил. Какую позицию займет Турция в случае каких-либо непредвиденных обстоятельств в ближайшем будущем. Криппс ответил Виноградову, что в настоящих условиях турецкое правительство желало бы тщательно выяснить, может ли оно иметь «сочувственное к себе отношение со стороны Советского правительства». Криппс отметил, что если он правильно понимает, что целью советской внешней политики является предотвратить дальнейшее расширение войны на Балканах, то ему кажется, что большая откровенность в советско-турецких отношениях дала бы Турции новые силы в выполнении этой задачи [6, С. 453].

Криппс думает, что в ближайшие дни едва ли можно предвидеть нападение немцев на Турцию, но сами турки почти убеждены, что Германия нападет на них в скором времени. Письмо Гитлера и активные попытки германского посла Папена в Турции убедить турецкое правительство в необходимости присоединиться к тройственному пакту - прямое доказательство стремления Германии распространять целиком и полностью свое влияние на Турцию. Криппс после беседы с Сараджоглу вполне убежден, что дальнейший нажим со стороны Германии на Турцию неизбежен. Более серьезный вопрос, однако, заключается в том, как долго Турция будет в состоянии противостоять этому нажиму, как долго она сумеет защищаться, если она подвергнется нападению. Это будет зависеть, по мнению Криппса, от материальной и духовной, как сказал Криппс, помощи со стороны Англии и СССР.

Далее Криппс сообщил, что из бесед с Сараджоглу и Виноградовым Криппс вынес впечатление, что в советско-турецких отношениях имеет место какое-то недоразумение. У Криппса сложилось во время бесед с Сараджоглу представление, что последний находится под впечатлением ожидания какого-то ответа от советского правительства, тогда как из беседы с Виноградовым выходило так, что СССР ждет каких-то предложений от Турции. Турция же, повторил Криппс, хотела бы знать, какова позиция СССР.

«Я, пишет А.Я. Вышинский, ответил Криппсу, что позиция СССР в отношении Турции достаточно хорошо Турцией известна и не требует каких-либо специальных разъяснений» [6, с. 456].

Тем не менее, английский посол высказал предложение быть посредником в способствовании улучшения советско-турецких отношений.

Об этих отношениях речь шла и на встрече полпреда СССР в Румынии А.И. Лаврентьева с турецким посланником Танривером 7 марта 1941 г. Он «много говорил об отношениях Турции к СССР, указывая, что Турция является естественным союзником СССР, что Турция всегда была дружественна к СССР и делала все, чтобы достигнуть взаимопонимания с СССР. Турция имела желание договориться с СССР и не действовать против интересов СССР. Доказательством этого служит поездка Сараджоглу в Москву (летом 1939 года) и специальная оговорка Советского Союза в англо-турецком договоре. СССР иногда имел неприятные минуты, вызванные тем, что контроль над проливами находится в руках Турции. Но для СССР это никогда не могло составлять какой-либо угрозы. Однако такую опасность будет составлять для СССР немецкий контроль над проливами, что он даже не находит слов, чтобы выразить это. Танривер понимает, что туркам с немцами договориться будет очень трудно. В то время как с Советским Союзом всегда имеется возможность прийти к соглашению [6, с. 456].

Я, пишет А.И. Лаврентьев, ответил, что временные успехи еще не означают того, что они будут закреплены в будущем навсегда. Кроме того,

высказываясь в личном порядке, я заметил, что Танриöver прав, когда он говорит о том, что Турции трудно будет договориться с Германией. Но мне кажется, что Турция не использовала все те возможности, которые она имела, чтобы договориться с Советским Союзом, который давал Турции такие возможности. Танриöver на это ничего не ответил. Он заговорил о том, что немцы распускают слухи, что СССР нападет на Турцию с Кавказа, чему он, конечно, не верит, но о чем говорит только для того, чтобы показать как далеко идет немецкая пропаганда»[7].

9 марта советское правительство делает заявление в адрес Турции следующего содержания: «Из сообщения, сделанного Советскому Правительству через заместителя Наркоминдела А.Я. Вышинского английским послом г-ном Криппсом, только что вернувшимся из Турции, видно, что Турция опасается, что если она подвергнется нападению со стороны какой-либо иностранной державы и она вынуждена будет защищать свою территорию с оружием в руках, то Советский Союз воспользуется трудным положением Турции и, в свою очередь, нападет на нее.

Я (Вышинский – Г.Я.) уполномочен Председателем и Наркоминделом СССР заявить, что эта версия совершенно не соответствует позиции Советского Правительства и что, наоборот, если Турция действительно подвергнется нападению со стороны какой-либо иностранной державы и будет вынуждена с оружием в руках защищать неприкосновенность своей территории, то Турция, опираясь на существующий между нею и СССР пакт о ненападении, может рассчитывать на полное понимание и нейтралитет Советского Союза»[8, с. 464].

Это заявление А.В. Вышинский передает турецкому послу А. Актаю, который выразил свою личную благодарность и уверенность в «том, что через некоторое время он передаст благодарность своего правительства за декларацию. Посол заявил, что декларация укрепит моральное состояние турецкого правительства, которое в этот исторический момент готово защищать территориальную неприкосновенность своей страны, если она

подвергнется нападению со стороны иностранной державы. Эта декларация отвечает чувствам, которые турецкое правительство питало и питает к советскому правительству.

Со своей стороны посол счел нужным сказать, что его правительство не имело никаких сомнений в том, что Советский Союз не нападет на Турцию, если последняя подвергнется нападению какой-либо державы. То, что говорил Криппс, по-видимому, относится к его личным впечатлениям. У самого турецкого правительства не было никаких сомнений в позиции Советского Союза.

Посол еще раз подчеркнул, что ответ, который он получит от своего правительства на сегодняшнее заявление, будет выражением признательности за чувства дружбы, проявленные Советским Союзом. В позиции Советского Союза турецкое правительство не сомневалось, но молчание Советского Союза давало повод для разных догадок и опасений».

А.Я. Вышинский сказал послу, что сделанное им заявление отвечает существующему между нашими странами пакту о ненападении, который мы в точности выполняли, и будем выполнять впредь, и что оно достаточно для того, чтобы рассеять эти опасения.

«В заключение беседы Актай сказал, что он считает сегодняшнее заявление началом новой эры в отношениях между СССР и Турцией»[8, с. 465].

Но этот оптимизм турецкого посла подвергает сомнению югославский посланник Авакумович во время встречи 12 марта 1941 г. с советским полпредом А.И. Лаврентьевым. Он повторил свой тезис о том, что позиция Турции будет зависеть от того, что скажет СССР.

«По поводу последнего замечания Лаврентьев сказал, что Советский Союз никогда не угрожал Турции. История взаимоотношений с ней как раз доказывает обратное. От самой Турции зависит многое»[8, с. 465].

14 марта 1941 г. у С.А. Виноградова был посол Великобритании в Турции Х. Хьюгессен и заявил, что он хочет сделать уточнение по одному вопросу, затронутому в предыдущей беседе, Хьюгессен сказал: «Когда я Вам говорил

позавчера, что именно немцы заявляли туркам о наличии угрозы для них со стороны СССР, я не помнил точно, кем было сделано это заявление. Теперь я проверил по документам и могу Вам сказать, что оно было сделано в Берлине около месяца тому назад турецкому послу, которому было заявлено с немецкой стороны, что Германии не нравится политика Турции и что если Турция выступит против Германии, то ей придется иметь дело также с Россией. Это совершенно точно» [9].

«Я, пишет С.А. Виноградов, заметил, что мне непонятно, какие цели преследует Германия, делая подобные заявления».

Хьюгессен сказал: «Я считаю, что это объясняется теми задачами, которые старается разрешить Германия в этой части Европы. Этим задач две:

1. Изгнать нас из Средиземного моря и 2. Стать хозяином Проливов. Именно поэтому немцы уделяют такое большое внимание работе в Турции»[9].

На следующий день А.Я. Вышинский принимает А. Актая, который вручает ему текст ответа турецкого правительства следующего содержания «Правительство Республики с огромным удовлетворением ознакомилось с заявлением, сделанным турецкому послу в Москве заместителем Народного комиссара г-ном Вышинским от имени Председателя Совета Народных Комиссаров и Комиссара иностранных дел СССР.

Выражая свою самую искреннюю признательность за этот знак симпатии и доверия, выраженный Председателем Совета Народных Комиссаров, Комиссаром иностранных дел дружественной страны, Председатель Совета Министров и Министр иностранных дел Турции, принявшие к сведению эти заверения, хотят заявить в свою очередь, что заверения, данные Турции, будут применены пунктуально к позиции Турции в отношении СССР, если соседняя и дружественная страна оказалась бы перед ситуацией, подобной той, которая охарактеризована в декларации, переданной г-ном Вышинским»[10].

После этого Актай сказал, что турецкое правительство хотело бы знать, не считает ли советское правительство удобным придать обе декларации

гласности. Решение этого вопроса турецкое правительство предоставляет целиком на усмотрение советского правительства.

А.Я. Вышинский ответил А. Актаю, что он не может дать ответ, но обещал доложить своему правительству и о последующем уведомить турецкого посла.

В заключение посол сказал, что декларация вызвала в Турции большое удовлетворение [10].

Об укреплении двусторонних отношений СССР и Турции речь шла и во время встречи А.И. Лаврентьева с турецким послом в Румынии Танриовером. В заключении беседы он «долго говорил о необходимости более тесной культурной связи между СССР и Турцией и выражал сожаление о том, что ни царская Россия, ни Советский Союз не внедряли русскую культуру в Турции, в то время как в этом отношении большую работу провели Англия и Франция»[11].

Обмен заявлениями между СССР и Турцией породил различные слухи. В связи с этим НКВД вынужден был выступить с заявлением. «На днях имел место обмен заявлениями между Советским и Турецким правительствами.

Ввиду распространившихся в иностранной печати слухов, согласно которым в случае, если Турция будет вынуждена вступить в войну, СССР воспользуются затруднениями Турции для того, чтобы напасть на нее, и в связи с наступившим по этому поводу запросом, Советское Правительство довело до нападения Турецкого Правительства, что:

- 1). Подобные слухи совершенно не соответствуют позиции СССР.
- 2). Если Турция действительно подвергнется нападению и будет вынуждена вступить в войну для защиты своей территории, то Турция, исходя из существующего между ней и СССР пакта о ненападении, может рассчитывать на полное понимание и нейтралитет СССР.

Турецкое Правительство в связи с этим заявлением выразило свою самую искреннюю благодарность Советскому Правительству и заявило в свою

очередь, что в случае, если бы СССР оказался в подобной ситуации, СССР мог не рассчитывать на полное понимание и нейтралитет Турции» [12].

Интересной была реакция на советско-турецкие документы германской стороны. Ее посол Папен в Анкаре при встрече с С.А. Виноградовым заявил, что «советско-турецкая декларация является очень хорошим делом. Подобный акт всегда является ценным вкладом в отношения между двумя странами. Я тем более приветствую ее, что наша политика всегда сводилась к ограничению фронта войны» [13].

При уходе Папен стал поздравлять советского посла с советско- турецкой декларацией, повторив, что «Германия всегда стояла за ограничение фронта войны».

Это было не что иное, как лицемерие. Через три месяца Германия вероломно нападет на СССР.

Список источников и литературы

1. Документы внешней политики. 1940 – 22 июня 1941 г. Т.ХХIII: В 2-х кн. Кн. 2. Часть I. М.: 1998. – Док.646. – С.328.
2. Документы внешней политики. 1940 – 22 июня 1941 г. Т.ХХIII: В 2-х кн. Кн. 2. Часть I. М.: 1998. – Док. 667. – С.373.
3. Документы внешней политики. 1940 – 22 июня 1941 г. Т.ХХIII: В 2-х кн. Кн. 2. Часть I. М.: 1998. – Док. 686. – С.413-414.
4. Документы внешней политики. 1940 – 22 июня 1941 г. Т.ХХIII: В 2-х кн. Кн. 2. Часть I. М.: 1998.– Док. 696. – С. 429.
5. Документы внешней политики. 1940 – 22 июня 1941. Т.ХХIII: В 2-х кн. – Кн.2. Часть 2. М.: 1998. – Док. 707. – С.451.
6. Документы внешней политики. 1940 – 22 июня 1941. Т.ХХIII: В 2-х кн. – Кн.2. Часть 1. М.: 1998.- Док. 708. – С.452-456.
7. British and Foreign States Papers . – London. 1948. – P.807.
8. Документы внешней политики. 1940 – 22 июня 1941. Т.ХХIII: В 2-х кн. – Кн.2. Часть 2. М.: 1998.- Док. 713. – С. 464-465.

9. Документы внешней политики. 1940 – 22 июня 1941. Т. XXIII: В 2-х кн. – Кн.2. Часть 2. М.: 1998.- Док. 720. – С. 474-475.
10. Документы внешней политики. 1940 – 22 июня 1941. Т. XXIII: В 2-х кн. – Кн.2. Часть 2. М.: 1998.– Док. 723. – С. 482.
11. Документы внешней политики. 1940 – 22 июня 1941. Т. XXIII: В 2-х кн. – Кн.2. Часть 2. М.: 1998. –Док. 724. – С.484.
12. Документы внешней политики. 1940 – 22 июня 1941. Т. XXIII: В 2-х кн. – Кн.2. Часть 2. М.: 1998. Док. 736. – С. 505
13. Документы внешней политики. 1940 – 22 июня 1941. Т. XXIII: В 2-х кн. – Кн.2. Часть 2. М.: 1998. Док. 737. – С. 506.

References

1. Foreign policy documents. 1940 – 22 Jun 1941, Т. XXIII: In 2 Vol. Vol. 2. Part I. М.: 1998. – Dock.646. - P. 328.
2. Foreign policy documents. 1940 – 22 Jun 1941, Т. XXIII: In 2 Vol. Vol. 2. Part I. М.: 1998. – Dock. 667. - P. 373.
3. Foreign policy documents. 1940 – 22 Jun 1941, Т. XXIII: In 2 Vol. Vol. 2. Part I. М.: 1998. – Dock. 686. – P. 413-414.
4. Foreign policy documents. 1940 – 22 Jun 1941, Т. XXIII: In 2 Vol. Vol. 2. Part I. М.: 1998.– Dock. 696. - P. 429.
5. Foreign policy documents. 1940 - 22 June 1941. Т. XXIII: In 2 Vol. – Vol.2. Part 2. М.: 1998. – Dock. 707. - P. 451.
6. Foreign policy documents. 1940 - 22 June 1941. Т. XXIII: In 2 Vol. – Vol.2. Part 1. М.: 1998. – Dock. 708. - P. 452-456.
7. British and Foreign States Papers. - London. 1948. - P. 807.
8. Foreign policy documents. 1940 - 22 June 1941. Т. XXIII: In 2 Vol. – Vol.2. Part 2. М.: 1998. – Dock. 713. – P. 464-465.
9. Foreign policy documents. 1940 - 22 June 1941. Т. XXIII: In 2 Vol. – Vol.2. Part 2. М.: 1998. – Dock. 720. - P. 474-475.

10. Foreign policy documents. 1940 - 22 June 1941. T. XXIII: In 2 Vol. – Vol.2.
Part 2. M.: 1998. – Dock. 723. - P. 482.
11. Foreign policy documents. 1940 - 22 June 1941. T. XXIII: In 2 Vol. – Vol.2.
Part 2. M.: 1998. – Dock. 724. - P. 484.
12. Foreign policy documents. 1940 - 22 June 1941. T. XXIII: In 2 Vol. – Vol.2.
Part 2. M.: 1998. Dock. 736. – P. 505
13. Foreign policy documents. 1940 - 22 June 1941. T. XXIII: In 2 Vol. – Vol.2.
Part 2. M.: 1998. Dock. 737. - P. 506.